

—◆— АННА КАМОЛОВА —◆—

СКВОЗЬ КАМЕНЬ

—◆— Когда духи говорят громче людей —◆—

Анна Камолова

Сквозь камень

<https://litres.ru/74499669>

SelfPub; 2026

Аннотация

В тундре, где граница между сном и явью тоныше волоса, живёт девочка по имени Эви. Старый шаман Сэвле учит её слушать мир не ушами, а телом. Когда Эви исполняется семь, бубен зазвучал сам — и назвал её именем, которого нет ни в одном языке.

Двадцать лет спустя Эви отправляется в путь. От белого безмолвия Ямала — в серый гул города, где она открывает дар, которого не искала. Оттуда — на Бали, к рисовым террасам, где местная женщина Дайя показывает ей, что духи говорят на всех языках мира. А потом — домой, в тундру, где умирающий Сэвле открывает правду: он — её отец.

Но за этой правдой стоит другая — о матери с тёмными волосами, которую Эви видела только во снах. И когда бубен умолкает, приходит новый сон: мужчина с угольными глазами зовёт её в Москву. Путь начинается снова.

«Сквозь камень» — первая книга трилогии «Сны делающих». Роман о поиске себя там, где кончается белый мир, и о том, как найти свой путь между тремя мирами — Верхним, Средним и Нижним.

Содержание

Предисловие.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анна Камолова

Сквозь камень

Предисловие.

Мир, где говорят духи.

Тундра — это не только снег и олени. Это место, где граница между сном и явью тоньше волоса. Здесь живут свои законы, записанные не в книгах, а в рисунках на бубнах и в самом чуме.

Для того чтобы услышать этот язык, нужно знать несколько важных слов:

Вэлум — это не просто сон. Это окно в будущее. Порой оно открывается прямо (туу вэлум), иногда требует разгадки, а бывает приносит послание от самих предков (сэри вэлум).

Уломверта-ни — делающая сны. Так называют человека, наделённого особым даром видеть такие сны.

Торум — небесный отец, создатель мира, главный дух Верхнего мира.

Эта история о том, что бывает, когда дар приходит раньше памяти. И о том, как найти себя там, где кончается белый мир.

Глава 1. Белый мир

Мир был белым.

Не красивым, как на открытках про зиму, — а насильно, до боли в глазах, слепящим. Белое небо лежало прямо на белой земле, и между ними ворочалась белая мгла, пожирающая очертания чумов, оленей и редких лиственниц. Иногда небесный свод темнел — но не до синевы, а до серого цвета застиранной холстины. Это было всё, что Эви знала о мире, когда ей исполнилось четыре года.

Чум пах дымом, старым оленьим жиром и сушёным сивом. Эти три запаха были для неё нотами: первая, вторая, третья. Всё остальное было вариациями. Мокрая шкура у входа пахла кислым духом живого меха, терпким, живым. Снег, который Ной стряхивала с валенок, ничем не пах сам по себе, но таял у огня он отдавал холодом, железом, чуждостью.

А дым... Дым менялся чаще всего. Утром он был сладковатым от сухой лиственницы; вечером горчил от сырой ивы;

а в ветреную погоду становился острым, злым, огонь ругался на ветер, бьющий ему в лицо.

Чум стоял большой — рассчитанный на две семьи, хотя жила в нём одна. Тарко — старый охотник с лицом, похожим на пересохшее русло реки, — и его жена Ной. Маленькая, быстрая женщина, чьи руки никогда не знали покоя. Если Ной не кроила сукно, она копала снег у входа; если не копала — кормила огонь; если не кормила — перебирала ягоды, раскладывала рыбу, плела бахилы из тальника. Её пальцы двигались даже во сне; Эви не раз видела сквозь дрему, как кисти Ной подрагивают под одеялом, распутывая невидимые нити.

Эви звали Эви. Она не спрашивала почему. Не знала, что это имя не встречается ни в хантыйских именах, ни в ненецких. Не знала, что так её назвал шаман, пришедший однажды ночью из метели со свёртком на руках, бросивший одно слово старому Тарко и ушедший в темноту на три дня. В свои четыре года Эви знала только то, что перед сном Ной поёт ей песню. Это была не колыбельная, а что-то другое — длинное, без слов, со звуками, которые поднимались и опускались, как дыхание ветра. Голос Ной был не колыбелью, а песней без конца, и от него закрывались глаза, тело стано-

вилось тяжёлым, тёплым, и сон приходил не как тьма, а как вода, которая поднимается тихо и уносит.

Утро начиналось с треска. Это Тарко подбрасывал дрова в очаг всегда раньше всех, всегда в темноте, потому что «свет — для слабых». Эви просыпалась от этого звука и лежала неподвижно, слушая рождение дня. Сначала оживал огонь. Потом Ной — её короткие, привычные шаги по шкурам. Затем собаки снаружи. За ними — олени, а потом — мир. Ветер трущийся о жерди, тишина, которая в тундре была не отсутствием звука, а звуком сама по себе. Тишина гудела, как пустая раковина, приложенная к уху.

Эви вставала, когда слышала два слова:

—Эви, пора.

Два слова. Каждый день. Без изменений. Как ритуал, который нельзя нарушить, иначе мир сдвинется, и неизвестно, чем это кончится. Ной надевала на неё малицу — глухую одежду из оленьего меха, с капюшоном, который закрывал лицо до глаз. Мех был старый, тёплый, пропитан зверем и гарью. На спине красовался вышитый зигзаг — красный по белому, грубые стежки, которые Ной делала не для красоты, а «чтобы глухарь охранял». Эви не понимала смысла узора,

но знала телом: зигзаг — важный. Не узор, а что-то сильнее узора. Когда Ной пришивала его, она молчала и не дышала, пока стежок не лёг на место. Как будто пришивала не нитку к меху, а слово — к телу. Завтрак состоял из одного: рыба — сухая, вяленая или варёная, в зависимости от того, что было. Иногда — оленьё мясо, тёмное, жилистое, с запахом крови, который Эви не любила, но ела, потому что «не есть — не жить». Иногда — ягоды, замороженные, твёрдые как камни, которые таяли во рту и становились сладкими, кислыми, горькими — все вкусы сразу. Чай кипел в котелке, чёрный от дыма, и Ной клала туда щепотку чего-то, что Эви не видела, и чай становился горьковатым и пах травой. Позже Эви узнает, что это был багульник — лумпи, трава, которая, как считалось, отгоняла злых духов. Но в четыре года она просто пила и не спрашивала. День тянулся долго. Зимой — бесконечно длинный, потому что свет появлялся на час-два, а остальное время — сумерки, синие, густые, в которых олени казались тенями, а чумы — призраками. Эви сидела в чуме, помогала Ной шить, плести, перебирать. Иногда Тарко брал её с собой — проверять капканы, искать оленей, которые отбились от стада. Она сидела на нартах, укрытая шкурами, и смотрела, как белый мир летел мимо: снег, кусты, деревья, следы — всё быстро, всё мимо, всё белое. Тарко говорил мало. Когда говорил — коротко и точно, как бросал копье: — Смотри. Эви смотрела. — Что видишь? — Следы. — Чьи? — Олень. Два. Один большой, один маленький. Тарко кивал.

Это была похвала. У него похвала не была словами — она была кивком, коротким, как удар топора. Однажды Эви увидела не следы, а тень. Тень на снегу, которая ложилась не там — не от дерева, не от оленя, не от чума. Просто тень, вытянутая, тёмная, которая двигалась, когда не двигалось ничто. Она показала Тарко: — Вон, тень. Тарко посмотрел. Поднял брови. Посмотрел на Эви. Потом сказал: — Не смотри на то, чего нет. Но Эви знала: тень была. И судя по лицу старого охотника, он тоже видел — но не хотел.

Ей было семь. Январь. Полярная ночь — солнце не появлялось уже месяц, и не появится ещё три недели. Темнота стояла такой плотной, что Эви не видела собственной руки, если поднимала её перед лицом. Только огонь в очаге давал свет — красный, дрожащий, живой, и тени от него прыгали по стенкам чума, по шкурам, по лицам. Она заснула под песню Ной — ту, без слов, с протяжными звуками, которые поднимались и опускались. Сон пришёл сразу — не наплыл туманом, а швырнул её внутрь себя, как камень в прорубь. Сон. Тундра. Белая, бескрайняя, до горизонта. Небо — низкое, серое, тяжёлое, давит. Снег ровный, нетронутый, ни одного следа. И по этому снегу идёт стадо оленей. Большое — сто голов, может больше. Они идут гуськом, как идут всегда: вожак впереди, остальные за ним, ровно, не торопясь. И вдруг вожак падает. Не спотыкается, не замедляет — про-

сто падает. Ноги подламываются, тело ложится в снег, голова опускается, рога втыкаются в сугроб. Он не встаёт. Стадо останавливается. Олени стоят вокруг, не подходят, не уходят. Стоят. Тихо. Снег начинает падать — мелкий, сухой, колючий — и засыпает вожака. Сначала ноги, потом бока, потом спину. Рога торчат из снега, как мёртвые ветви. Эви проснулась. Сердце колотилось. В чуме темно — огонь погас, остались только угли, красные точки в черноте. Образ сна стоял перед глазами ярче реальности. Утром она рассказала Ной. Опекунша слушала, не шевелясь, положив руки на колени. Когда Эви замолчала, Ной спросила севшим голосом: — Сколько оленей? — Сто. Может, больше. — Вожак какой? — Серый. Полоса на спине. Рога... Ной побледнела. Лицо стало белым — белее снега снаружи. Она молча встала, вышла наружу. Вернулась через десять минут. — Одевайся. Идём. Они пошли к краю стойбища, к маленькому чуму Сэвле. У входа торчал шест, обмотанный тряпками и костями. Кости стучали на ветру, и этот звук лез под кожу, вымораживая сильнее, чем сорок градусов ниже нуля. Сэвле вышел им навстречу. Высокий, вырезанный из тёмного дерева. Глаза — блестящий антрацит. Он посмотрел на Эви, и девочке показалось, что взгляд прошёл насквозь, зацепившись за что-то позади её спины. Ной зашептала по-хантыйски слова «сон», «упал», «вожак». Сэвле перевёл взгляд на девочку: — Говори ты. Эви повторила про стадо и упавшего лидера. Шаман дослушал до конца. Помолчал. Сказал: —

Это не сон. Это вэлум. Ты видишь прожитое до того, как оно прожито. Эви моргнула. — Проще говоря, — добавил Сэвле, — ты видела то, что будет. Вожак упадёт. — Когда? — Вэлум не знает времени. Только события. Эви почувствовала, как внутри грудной клетки, там, где должно быть тепло, легла тяжесть — холодный, тяжёлый камень. — Это плохо? — выдавила она. Сэвле смотрел на неё долго. — Это не плохо и не хорошо. Это — дано. Через три дня Тарко нашёл вожака у речки, в распадке. Лежал на боку, ноги подогнуты, голова в снегу. Рога торчали, как ветви. Точно как во сне. Когда старик вернулся и бросил короткое «Упал», Ной посмотрела на Эви. Девочка сидела над миской с бисером — синим и белым. Руки не дрожали. Но внутри — внутри был тот камень, который Сэвле положил три дня назад. Камень, который не убрать.

Ной отвела её к Сэвле снова. Шаман сидел у огня, бубен лежал рядом. Огонь потрескивал, воздух был густой, как смола. Первое, чему учил Сэвле, — молчанию. — Закрой глаза. Слушай. Эви слушала. Треск дров. Вой ветра. Далёкий лай. Скрип снега. — Ещё. — Ничего. — Слушай не ушами. Уши шумят. Слушай телом. И через долгое время она поймала это. Не звук — гул. Басовую струну земли, натянутую глубоко внизу. — Вот, — кивнул Сэвле. — Мир всегда звучит. Ты просто родилась тугоухой. Потом он разложил

на шкуре четыре камня. — Сны бывают разные. Первый — пустой. Второй — прямой, как стекло. Третий нужно толковать. Четвёртый — сэри вэлум. Истинный. Пророческий. Дар немногих. — У меня дар? — спросила Эви. — Ты уже ответила на свой вопрос вожаком. Это дорога от духов. Они говорят с тобой. — Почему я? — Потому что твои уши открыты. Большинство спит глухими. Спят и не слышат. Ты — слышишь. Это не награда. Это диагноз. — Можно... перестать? Сэвле покачал головой. — Нельзя. Если заткнуть уши — духи будут кричать громче. Станут злыми. Злой дух хуже любого кошмара — он приходит днём, пугает скот, приносит болезни. Слушать — значит уважать. Уважать — значит жить спокойно. Весной, когда Сэвле впервые показал ей инструмент, кожа лопнула коротким вздохом. Старик замер. — Ты слышала? — Да. Он живой. Сэвле долго молчал, глядя то на бубен, то на неё. — Значит, так.

Однажды ночью Эви проснулась от звука. Снаружи кто-то плакал. Низко, по-звериному, но с человеческой тоской. Она выскользнула из-под одеяла, накинула малицу и вышла в мороз. Воздух сжёг лёгкие. Стон шёл от реки. Или не от реки — снизу, из-под земли. На льду никого не было. Но под прозрачным панцирем, в чёрной воде, мелькнуло движение. Гибкая длинная тень. Она проплыла, остановилась прямо под Эви — как будто смотрела сквозь толщу воды чело-

веческими глазами — и растворилась в глубине. Сердце девочки не забилося от страха. Оно пропустило удар от узнавания. Это была боль. Боль Нижнего мира, которой слишком тесно под землёй. Она вернулась в тёплый полумрак чума. Легла. Укрылась. И слушала, как стон уходит вниз, под корни, оставляя после себя звенящую пустоту. Утром она ничего не сказала. Есть вещи, которые держат внутри, как уголь в очаге — бережно, чтобы не погасли, но и не сожгли дом дотла.

Весна пришла внезапно — не теплом, а светом. Небо раскололось трещиной, и оттуда хлынул густой жёлтый поток. Снег вспыхнул серебром. Ной вышла из чума, подняла лицо к солнцу и заплакала — не от горя, а от избытка жизни. — Солнце вернулось. Значит, живём. Эви стояла рядом, шурясь. Тепло касалось лица, и тугой узел в груди, завязавшийся в январе, начал медленно развязываться. — Почему оно уходило? — спросила она. — Торум даёт и забирает. Дай он навсегда — выгорим. Забери навсегда — замёрзнем. Так — ровно. Сэвле сидел у своего чума, подставив лицо лучам. Старый шаман улыбался. Впервые за зиму морщины на его лице разгладились, и тёмное дерево стало похоже на живую плоть. — Свет, — сказал он, не открывая глаз. — Грейся. Молчи. Эви села рядом. Мир вокруг искрился. Собаки спали на боках, грея животы. Олени пускали пар ноздрями, как ма-

ленькие дымящиеся вулканы. Мир был белым. Но теперь он дышал. Серебряный, живой, горячий. И Эви — семь лет, в малице с красным зигзагом-защитником, с камнем-вэлумом в груди — сидела рядом со стариком и молчала. И это молчание было полным, как чаша, наполненная до самых краёв.

Глава 2. Шаман

Весна на Ямале — это не про тепло. Это про свет. Про то, как мир, который полгода был чёрно-белым, вдруг становится серебристым, звенящим, он встряхнулся, и все тени осыпались, а остались только грани: лёд, снег, небо, олени — всё острое, как края ножей.

Эви шла к чуму Сэвле по насту — твёрдому, как доска, и он не проваливался под её валенками, только скрипел, и этот скрип был единственным звуком, кроме ветра. Даже собаки сегодня не лаяли — лежали, прижавшись к стенам чумов, и смотрели на солнце, как на что-то новое, будто забыли, как оно выглядит.

Сэвле сидел у входа, на низкой лавке из оленьих рогов и досок, и держал бубен. Не бил — просто держал на коленях, ладонью вниз, как держат спящего щенка. Когда Эви подошла, он не поднял головы, но сказал: — Ты пришла. Голос был не громким, а глубоким, как раскалённый металл. Он звучал так, словно шёл изнутри земли, а не из горла человека. — Да, — ответила Эви. — Ной сказала, можно. Он хмык-

нул — не насмешливо, а как будто подтвердил что-то для себя. — Ной хорошая женщина. Умная. Но она не слышит. А ты слышишь. Значит, тебе сюда. Эви хотела спросить о главном («А что, если я не хочу слышать?»), но не спросила. Она знала: если скажешь такое вслух, духи услышат и сделают так, что слышать станет ещё сильнее. Сэвле поднял бубен, повернул к свету. Кожа была старая, потёртая на краях, но в центре — плотная, живая. На ней — рисунок: три круга, один в другом. Верхний — светлый, с точками, похожими на звёзды. Средний — с фигурками: люди, олени, чумы, деревья. Нижний — тёмный, почти чёрный, с тонкими линиями, как корни, уходящие вниз. — Смотри, — сказал Сэвле. — Это не картинка. Это дорога. — Какая дорога? — Дорога шамана. Он ходит по трём мирам. Верхний — где Торум. Там живут духи предков, там свет, там покой. Средний — где мы. Тут снег, тут олени, тут огонь, тут слёзы. Нижний — где тьма. Там болезни, там страх, там духи, которые хотят забрать силу. Эви смотрела на рисунок и ощущала кожей, как он будто шевелится. Не глазами — кожей. Как будто линии на бубне были не краской, а живыми нитями, и они тянулись куда-то — не в бубен, а сквозь него, в неё. — Шаман ездит по этим мирам на бубне, — продолжал Сэвле. — Бубен — как олень. Только быстрее. Только видит дальше. — А я смогу? — спросила Эви. Сэвле посмотрел на неё — в первый раз прямо, без прищура, без того взгляда «сквозь». — Не сможешь, — сказал он. — Пока не сможешь. Снача-

ла надо научиться не бояться. Потом — слушать. Потом — видеть. Потом — говорить с теми, кто не говорит словами. — А как? — Она сделала шаг вперёд, пытаясь заглянуть за край этого знания. — Сначала — сидеть. Он постучал пальцем по шкуре рядом с собой. — Садись. Закрой глаза. Не думай. Просто слушай.

Эви села. Закрыла глаза. И сразу стало темно — но не как ночью, а как внутри себя. Ветер гудел, но тише, чем обычно, будто чум Сэвле был устроен так, чтобы звуки не лезли внутрь, а стекали по стенам, как вода. — Слушай не ушами, — напомнил Сэвле. — Грудью. Она попыталась. Сначала слышала только своё дыхание — быстрое, короткое, как у щенка. Потом — треск огня. Потом — что-то ещё. Что-то далёкое, низкое, ровное. Как гул. Как если бы земля под чумом была большой раковиной, и в ней всегда звучал один и тот же тон. — Вот, — тихо сказал Сэвле. — Это — мир. Он всегда говорит. Просто большинство людей кричат громче, чем он. Эви кивнула, хотя он не видел. Ей хотелось сказать: «Я слышу», — но она боялась спугнуть звук. Она тянулась к этому гулу всё дальше, просовывая пальцы сквозь невидимую преграду... И провалилась. Звук ударил изнутри. Не снаружи пришёл — взорвался прямо в грудной клетке. Низкий, вибрирующий рык земли заполнил собой всё. Эви показалось, что её кости сейчас превратятся в порошок от этой

вибрации. Перед глазами поплыли красные круги, хотя веки были плотно сомкнуты. Воздух вдруг стал густым и тяжёлым, его пришлось рвать зубами, чтобы вдохнуть. — Хватит, — голос Сэвле прозвучал глухо, словно через слой ваты. — Открой глаза. Она открыла. Мир качнулся. Тошнота подкатила к горлу вязким комом. Голова раскалывалась так, будто кто-то вбил клин между бровями. Огонь в очаге двоился, тени на шкурах плясали слишком быстро. Сэвле смотрел на неё внимательно, прищурившись. — Ты ушла слишком глубоко для первого раза. Нельзя пить из реки, пока не научился черпать ладонью. Эви хотела ответить, но язык едва ворочался во рту. Она просто кивнула, борясь с приступом рвоты. Тарко ждал её у большого чума. Лицо старого охотника было тёмным, как промёрзшая земля. — Где ты была? — спросил он, не повышая голоса. Но в этом тихом вопросе звенела сталь. — У Сэвле, — ответила Эви, пряча дрожащие руки в широкие рукава малицы. — Олени ушли к старому руслу. Стадо разбилось. Мне нужен второй человек на нартах. Кто будет смотреть за капканами, если шаман учит тебя слушать тишину? Он не ругался. Ругань Тарко считал слабостью. Его разочарование было хуже любого крика — оно ложилось на плечи гранитной плитой. Эви смотрела на свои валенки. На них налип серый весенний снег. — Я... я слушала землю, — пробормотала она. — Земля никуда не денется, — отрезал Тарко. — А олень уйдёт. Волк съест. Голод придёт. Он развернулся и шагнул в чум, оставив дверь от-

крытой. Холодный ветер лизнул ноги Эви. Впервые в жизни ей захотелось заплакать не от боли или страха, а от злости. От того, что это несправедливо. Почему Ной может просто перебирать ягоды, и это называется «делом»? Почему Тарко может часами сидеть неподвижно в засаде, и это «охота»? А когда она сидит неподвижно, слушая мир, — это лень и глупость? Вечером они ели варёную куропатку. Мясо казалось Эви пресным, как бумага. Внутри всё ещё пульсировал отголосок той подземной вибрации, и каждый кусок приходилось проталкивать силой. Ной подкладывала ей лучшие куски, её быстрые, тёплые руки мелькали над столом. Но сегодня тепло очага не грело. Камень в груди, оставленный сном о вожаке, теперь казался ледяным. Когда Ной вышла набрать снега для чая, Эви осталась одна с Тарко. Старик точил нож, проводя бруском по лезвию со звуком, похожим на шипение змеи. Ш-шрк. Ш-шрк. Эви собрала всю свою смелость, которая уместилась в маленький горячий шар где-то под ребрами. — Дедушка, — начала она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — А можно... можно мне не слышать? Тарко замер. Рука с ножом остановилась. Звякнула сталь о край деревянной миски. В чуме повисла такая тишина, что стало слышно, как потрескивает смола в полене. Он медленно поднял голову. Посмотрел на неё не «сквозь», как раньше, а прямо в глаза. Так старый волк смотрит на молодого, который посмел скалить зубы. — Нет, — сказал он ровно. — Почему? — Если я буду слышать их, я пропущу следы. Я подведу тебя. Я

стану плохой помощницей. Тарко отложил нож. Вытер руки о штаны. Запах железа и сырой кожи смешался с дымом. — Помощница, — повторил он, пробуя слово на вкус. — Ты думаешь, мы живём тут ради мяса? Ради шкур? Он ткнул узловатым пальцем в сторону входа, туда, где начиналась белая мгла. — Мы живём, потому что стоим ногами на спине мира. Если духи выбрали твои уши — значит, ты больше не моя помощница. Ты — его уши. Он встал, подошёл к очагу и поворошил угли железным прутом. Искры взвились вверх, улетели в отверстие дымохода. — Охотник убивает зверя, чтобы стадо жило. Шаман слушает духов, чтобы люди жили. Разная охота. Одинаковая смерть, если ошибёшься. Вернувшись на место, он взял нож. Ш-шрк. Ш-шрк. Разговор был окончен.

Эви сидела, глядя на свои колени. Слез не было. Только холод. Теперь она поняла слова Сэвле про диагноз. Болезнь нельзя отменить просьбой. Можно только научиться жить с ней так, чтобы она не убила тебя. Или тех, кто рядом. Она подняла взгляд на Тарко.

— Я пойду завтра к старому руслу, — сказала она. — Покажи свежие следы. Я найду их. Даже если голова будет болеть так, что лопнут глаза.

Тарко скосил глаз на неё, не прекращая водить брусом. Уголок его жёсткого рта едва заметно дернулся вверх. Не улыбка. Почти. Ной вернулась с полным котелком снега, напевая свою песню без слов. Она поставила воду на огонь, бросила щепотку багульника. По чуму пополз горький запах защиты. Эви втянула этот запах носом. Горький. Живой. Её тошнило от него утром, но сейчас он показался самым родным запахом на свете. Она закрыла глаза на секунду, выдохнула. И вместо того, чтобы попытаться заткнуть уши, впервые прислушалась к песне Ной не словами, а тем самым новым, болезненным слухом. Песня текла, как река подо льдом. И там, в глубине мелодии, Эви слышала страх. Ной пела не для красоты. Она пела, чтобы удержать стены чума, которые трещали от наступающей весны и таяния древних теней. Эви открыла глаза. Мать племени стояла к ней спиной и ничего не знала. Но Эви теперь знала. Камень в груди шевельнулся. Лёд внутри треснул — совсем чуть-чуть. И оттуда, из трещины, дохнуло не холодом, а огромной, страшной ответственностью.

Это было вечером следующего дня. Солнце уже село, но небо ещё горело — розовым, фиолетовым, как угли в костре. Эви сидела у очага в чуме Сэвле, смотрела на огонь и думала, что он похож на бубен: живой, дышащий, говорящий треском смолы. Головная боль, мучившая её весь день по-

сле утреннего урока, наконец отступила, оставив после себя звенящую пустоту в ушах. Сэвле вдруг замер. Он сидел напротив, скрестив ноги, и только подбрасывал в огонь сухую ветку. Но теперь его рука зависла в воздухе. Он не пошевелился. Не моргнул. Просто стал неподвижным, как идол из тёмного дерева, который вырезали много лет назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.